

зральскій номеръ былъ конфискованъ и лишь по снятіи ареста разосланъ
писчикамъ. По этой причинѣ и мартовская книжка запоздала съ выходомъ.

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

1910 г. МАРТЪ № 17

Чеховская бібліотека. Собрание писемъ А. П. Чехова. Подъ редакціей и съ комментаріями Владиміра Брендеръ. Томъ первый. М. 1910 г. К-во «Совр. Творч.». Ц. 1 р. 25 к.

Когда, съ захватывающимъ любопытствомъ и какою-то особенною, печальною нѣжностью, читаешь новый томикъ писемъ Чехова, невольно удивляешься тому, какъ много и въ то же время мало говорятъ о покойномъ писателѣ эти письма... Много—вширь и мало—вглубь. Чеховъ былъ на-рѣдкость цѣльный человѣкъ и гармоничный художникъ. Письма его должны стоять въ тѣсной связи съ его творчествомъ—какъ-бы дополнять его и ни въ чемъ не противорѣчить основнымъ чертамъ его внутренняго облика. Дѣйствительно, они рисуютъ Чехова очень

полно и разнообразно, даютъ цѣльный образъ. Но въ нихъ—полное отсутствіе всякой интимности; ни одной ноты, которая вырвалась бы нечаянно и раскрыла бы Чехова больше, чѣмъ онъ того хотѣлъ. Поражаетъ замкнутость и сдержанность Чехова. Онъ все время одинокъ и со всѣми одинаковъ, всегда застегнутъ на всѣ пуговицы, не подпускаетъ къ себѣ человѣка, да какъ-будто ни въ комъ внутренне и не нуждается. Какой-то мирный и ясный холодокъ окружаетъ его обаятельную личность. Отсюда, изъ этой замкнутости и самостоятельности—главнѣйшія свойства его индивидуальности, ярко отразившіяся въ письмахъ: любовь къ независимости, широта и терпимость и полное пренебреженіе ко всѣмъ условностямъ жизни. «Какъ у васъ въ Питерѣ любятъ духоту!»,—пишетъ онъ Щаглову по поводу одного писательскаго «проекта»:—«Неужели вамъ всѣмъ не душно отъ такихъ словъ, какъ солидарность, единеніе молодыхъ писателей, общность интересовъ и пр.? Солидарность и прочія штуки я понимаю на биржѣ, въ политикѣ, въ дѣлахъ религіозныхъ (секта) и т. п., солидарность же молодыхъ литераторовъ, и невозможна и ненужна... Думать и чувствовать одинаково мы не можемъ, цѣли у насъ различныя, или ихъ нѣтъ вовсе, знаемъ мы другъ друга мало, или вовсе не знаемъ, и стало-быть нѣтъ ничего такого, къ чему могла бы прочно прицѣпиться солидарность... А нужна она? Нѣтъ. Чтобы помочь своему коллегѣ; уважать его личность и трудъ, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, не лгать ему и не лицемерить передъ нимъ—для всего этого нужно быть не столько молодымъ литераторомъ, сколько вообще человѣкомъ... Будемъ обыкновенными людьми, будемъ относиться одинаково ко всѣмъ, не понадобится тогда и искусственно взвнеченной солидарности»...

Въ одномъ изъ писемъ къ Плещееву встрѣчаемъ признаніе еще болѣе характерное для Чехова. «Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденцій и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ или консерваторомъ. Я не либераль и не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и—только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насилие во всѣхъ ихъ видахъ... Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая-святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода,—свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались»...

И разнообразныя отношенія Чехова съ людьми, и отношеніе его къ себѣ, къ своему таланту, къ литературѣ,—показываютъ, что это былъ человѣкъ рѣдкой культуры, европеецъ съ головы до ногъ, не смотря на свою чисто русскую, даже мужичью кровь. Отсюда и его, плѣняющая всѣхъ, деликатность въ общеніи съ людьми, и широта взглядовъ, и свобода

чувствъ. Эта «культурность» души у него, до известной степени, обусловлена умомъ, очень тонкимъ и острымъ, хотя и нѣсколько холоднымъ. Умъ его блещетъ—и въ личныхъ отношеніяхъ, и во всѣхъ его сужденіяхъ, особенно въ тонкихъ замѣчаніяхъ о литературѣ и писателяхъ. По рѣдкой гармоніи ума и таланта, Чехова можно сравнить только съ другимъ «европейцемъ» нашей литературы, Тургеневымъ.

Чехова обыкновенно изображаютъ хмурымъ пессимистомъ, отождествляя его съ его героями, и не замѣчаютъ въ немъ главнаго — его основного настроенія: большой, устойчивой любви къ жизни. Условія времени, конечно, наложили на Чехова печать, дали тонъ и матеріалъ его творчеству. Но, по натурѣ, онъ не былъ ни нытикомъ, ни отрицателемъ жизни. Не смотря на болѣзнь, рано подточившую его силы, у него была здоровая душа, здоровое воспріятіе жизни. Недаромъ онъ съ такой безгличью относился ко всякой психопатіи. Не будучи ни святошей, ни радикаломъ, ни настоящимъ интеллигентомъ, Чеховъ былъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, „обыкновеннымъ человѣкомъ“, которому ничто въ жизни не чуждо, все мило и интересно. Спокойная, довѣрчивая, порой смѣшливо-радостная любовь Чехова къ жизни сквозитъ и въ его, щедро разсыпанномъ въ письмахъ, юморѣ и въ совѣтахъ, обращенныхъ къ пріятелямъ—дорожить жизнью, которая намъ дается «только одинъ разъ»...

Письма даютъ хорошій матеріалъ для характеристики Чехова, какъ писателя. По любви и уваженію къ литературѣ, по пониманію ея, это былъ настоящий литераторъ, требовательный къ себѣ и другимъ. Ему была важна и интересна судьба произведенія, начиная съ его возникновенія, кончая шрифтомъ, которымъ оно печаталось. Въ томъ, какъ онъ входитъ въ каждую мелочь, дѣлая указанія молодымъ писателямъ, чувствуется любитель литературы, почти фанатикъ. Одно изъ писемъ (стр. 226) бросаетъ любопытный свѣтъ на самый процессъ творчества у Чехова. Оно заканчивается словами: «Я умѣю писать только по воспоминаніямъ и никогда не писалъ съ натуры. Мнѣ нужно, чтобы память моя провѣдила сюжетъ и чтобы въ ней, какъ на фильтрѣ, осталось только то, что важно и типично».

О «комментаріяхъ» г. Брендера къ письмамъ Чехова не хотѣлось бы и говорить—такъ они бездарны, неумѣлы и безнадежно наивны... вообще, не соответствуютъ письмамъ. За редактированіе писемъ Чехова слѣдовало бы взяться какому-нибудь солидному специалисту, а не случайному предпринимателю, литературному самозванцу.

Е. Колтоновская.